

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Правила приготовления пиццы

Я сидела на скамейке в парке. Мой собеседник опаздывал, и я уже начинала подумывать о том, чтобы уйти. Стремное место он выбрал для встречи — скамейка вдали от центральных аллей, с трех сторон окруженная густым кустарником, люди здесь ходят редко, хотя на дворе полдень. За те пятнадцать минут, что я провела на этой скамейке, мимо меня прошли лишь пара мамаш с колясками да проехал один роллер.

Не люблю я встречи в парках. Лучше кафе. Конечно, идеальный вариант дома у интервьюируемого или, на худой конец, в моем кабинете в редакции, но выбора у меня особо не было.

Почему? Да потому что наш главный редактор поставил меня буквально в безвыходное положение — заготовка статьи должна быть у него на столе завтра утром до оперативки. Если опоздаю хоть на минуту — не видать мне премии и первой страницы как своих ушей.

Козел он, наш главред. Позвонил мне вчера в полпервого ночи, когда я только зашла в квартиру.

«Гера, у меня гениальная идея!» радостно сообщил он, тяжело дыша в трубку. «Я тебе там кое-чего выслал на мыло, ты посмотри, подумай, и завтра на оперативке скажешь мне, что из этого можно сделать. Сумеешь раскрутить тему — выпишу тебе премию».

И вот я, как полная дура, до самого утра лазила по тем сайтам, ссылки на которые он мне скинул, и в полудреме переписывалась со всякими извращенцами. Один согласился со мной встретиться. И теперь я его жду на этой гребаной скамейке вдали от центральных аллей. Хоть бы фотку скинул, козел.

И вообще да, я злая. И не только потому, что не выспалась.

Мое невезение началось в тот момент, когда родители выбрали мне имя. Георгина — более дурацкого имени они придумать просто не могли. Особенно в сочетании с отчеством — Георгина Семеновна. И в довершение ко всему фамилия — Цветкова. Георгина Семеновна Цветкова. Идиотизм, правда? Разумеется, в школе все кому не лень склоняли мое имя и фамилию на все лады — я была и Жорой, и Гогой, и Гошей, и Астрой, и Семен-Семенычем, и Клумбой... В универе я почти научилась любить свое имя благодаря одному парню. Он называл меня исключительно Цветочком, делал офигительный кунилингус и в принципе был очень нежен. Из-за чего мы расстались? Однажды я застала его в постели с моим одноклассником. Мне было так гадко, что после этого я долгое время вообще не могла ни с кем встречаться — вот прямо перед глазами стояла та картина и все тут.

Потом как-то попустило — я устроилась на работу в одно очень известное издание специфической направленности, сначала как внешкор, потом меня взяли в штат, выделили кабинет, даже колонку дали. Главред сначала казался таким душкой — звонил по несколько раз на дню, всегда спрашивал, не занята ли я, могу ли подготовить статью на ту или иную тему и по срокам никогда не подгонял. Я никогда не отказывала. И не потому, что боялась потерять такое теплое местечко. Мне это все действительно интересно. Когда я пишу статью, я не просто компилирую известные факты, а стараюсь вникнуть в проблему, погрузиться в нее, поставить себя на место героев моих статей, понять, чем они руководствуются. В общем, провожу настоящую исследовательскую работу.

Вот и сейчас. Могла бы тупо пообщаться с несколькими «такими» в интернете, накидать в

статью каких-нибудь общеизвестных заблуждений — и дело с концом. Но нет. Еще до того, как я осознала, на что подписываюсь, мы уже договорились с этим парнем о личной встрече. Он подошел со стороны боковой улицы. Невысокий, сутулый, щуплый, в больших очках в дешевой оправе. Одет простенько, даже бедненько. Волосики реденькие, дано не стриженные и не мытые, жиденькие усики. Идет так, будто боится всего на свете.

— В... Виталий, — протянул руку. Ладонки потные, глазки прячет, трясется весь.

— Гера, — почему-то с раздражением ответила я ему, хотя что-то в нем мне даже понравилось. Не то, чтобы я пошла с ним на свидание, но что-то в его поведении откликнулось жалостью и любопытством в моем сердце. И что они в нем находят?

И вот теперь, пожалуй самое время пояснить, в чем заключалось задание моего главреда. Я должна была написать статью о БДСМ. Он прислал мне целую кучу ссылок на тематические сайты, на статьи из специализированных изданий, на он-лайн магазины соответствующей атрибутики, на форумы тех, кто этим непосредственно занимается...

Скажу честно, вид разнообразнейших кляпов, масок, повязок, ошейников, поводков, наручников, напульсников, костюмов из латекса и кожи, главная цель которых не скрывать и не подчеркивать красоту тела, а ограничивать движения, меня сильно взбудоражил. Можно даже сказать, возбудил. Поэтому, когда я зашла на один из форумов, я общалась уже довольно фривольно. Посетителей было немного. И Виталий откликнулся почти сразу. У нас завязалась довольно милая и далекая от секса беседа. Я рассказала ему, кто я и что мне от него нужно, а он в свою очередь согласился встретиться...

— Гера, — он вдруг посмотрел мне в глаза внимательно и серьезно, а у меня перехватило дух от звука его вкрадчивого голоса, от его взгляда, исполненного спокойствия, уверенности, даже некой властности, которые так не вязались с его внешним видом и поведением, — скажите честно, вы ведь здесь не только по заданию редакции. Вы уже давно размышляете об этом, правда?

Я с трудом сглотнула комок и неуверенно дернула головой:

— С чего... вы взяли? — я вдруг поняла, что дышу так, словно мне не хватает воздуха.

— Ночью, когда мы общались с вами на форуме, я заметил, что вы как будто озлоблены и напряжены. Причем эта злость и напряжение возникли не вчера. Скорее всего, в детстве вас часто обижали, возможно, даже травили — из-за внешности, характера или фамилии — а родители не оказывали вам никакой поддержки. И вам приходилось быть сильной и прятать свои обиды поглубже. Вы привыкли к тому, что со всем можете справиться сами, поэтому, когда у вас возникают проблемы, вы никому о них не рассказываете. Вы не привыкли жаловаться, плакать в жилетку, но когда смотрите мелодрамы (в тайне ото всех, разумеется, потому что при посторонних вы смотрите исключительно комедии и триллеры), у вас по щекам текут слезы...

— Откуда... вы... ? — жалость, любопытство и раздражение сменились недоумением. Он так подробно рассказал мне о моих проблемах, так точно обрисовал то, что я даже сама от себя скрывала...

— Гера, — он накрыл мое запястье ладонью, — я предлагаю вам сделку — вы пройдете со мной, не станете упираться и капризничать, а я отвечу на все ваши вопросы. Но лишь после того, как закончу, лады?

Я молча кивнула.

Мы одновременно поднялись со скамейки, он положил мою руку на свой локоть и мы

двинулись к выходу из парка тем же путем, каким он пришел сюда. Теперь он шел, расправив плечи, и от его стеснительности не осталось и следа.

Виталий привел меня в небольшую однокомнатную квартиру, усадил на слишком низкий и слишком мягкий диван, предложил зеленого чаю (который я, к слову, терпеть не могу, но в тот момент мне казалось, что из его рук — таких мягких и внимательных — я приняла бы даже яд), и скрылся за ширмой.

Его не было довольно долго. В комнате царил полумрак, и было немного душно. Пахло сандаловыми палочками, но запах был совсем ненавязчивым и даже приятным. Я расслабилась и почти задремала, когда на диван рядом со мной упало что-то тяжелое. Я вскочила на ноги и тряхнула головой. Виталий стоял передо мной в простых спортивных штанах и темной рубашке, расстегнутой на груди.

— Ты можешь отказаться в любой момент. Я не стану тебя удерживать. Но помни — если ты уйдешь, ты больше не сможешь вернуться, — его голос звучал так уверенно и спокойно, что у меня не возникло никаких сомнений — все, что он только что сказал, правда, полная и безапелляционная правда. — Ты меня поняла?

У меня вдруг похолодели ладони, и пересохло во рту:

— Да, — ответила я тихо.

И тут же сильная пощечина повалила меня обратно на диван. Моя правая щека вспыхнула, скорее от возмущения, чем от боли, а внутри что-то приятно сжалось. — Ты должна отвечать: «Да, господин», — в его голосе зазвучал металл.

— Это ты так свои комплексы компенсируешь? — съязвила я, едва поднявшись на ноги.

Еще одна пощечина, на этот раз с левой стороны, снова повалила меня на диван. Левая щека тоже вспыхнула, но внутри что-то сжалось еще сильнее и слаще.

— Да, господин, я все поняла, — всхлипнула я.

— Умница, — улыбнулся он. — А теперь повернись лицом к стене.

Я послушно выполнила его приказ. Виталий ловким движением накинул мне на глаза кожаную повязку и туго завязал на затылке. Затем так же ловко и быстро связал мои руки за спиной от локтей до запястий. Было заметно, что ему это не впервой.

— Ты все еще можешь отказаться, детка, — его руки скользнули мне под футболку и мягко сжали груди.

Это было так необычно — сочетание нежных прикосновений к животу и груди с все еще горевшим от его пощечин лицом, бархатистая повязка на глазах и крепкие, но мягкие ремешки на руках, страх боли и стремление к удовольствию, возможность сказать «нет» и желание полностью отдаться в его власть.

— Я могу продолжать? — выдохнул он мне на ухо, при этом с силой сжав правый сосок.

Что-то внутри бешено запульсировало, колени подогнулись, и, если бы не его руки, я бы упала навзничь.

— Да, — простонала я.

Хлесткий удар по груди частично отрезвил меня.

— Да, господин...

— Ты быстро учишься, — похвалил он, и вдруг его руки покинули мое тело.

На мгновение мне стало страшно — неужели он ушел и оставил меня здесь совсем одну с завязанными глазами и со связанными руками? Но я побоялась окликнуть его — он бьет довольно сильно. Кто знает, что он сделает со мной, его разозлится? От одной мысли о том,

что могло произойти в таком случае, у меня снова что-то сжалось внутри и подкосились колени.

Виталий поймал меня как раз вовремя:

— Спокойно, детка, я еще даже не начал, — с этими словами он надавил мне на щеки, и твердый шарик с дырочками оказался в моем рту. Кожаные ремешки крепко сдавили мои щеки. Я поняла, что это было — не далее как этой ночью я рассматривала подобные штучки и гадала, зачем они нужны. Я замотала головой, протестуя, и снова ощутила хлесткий удар по груди. — Ты просила, чтобы я продолжал. Когда я говорил, что ты можешь отказаться, я имел в виду, что ты откажешься от всего — либо ты принимаешь все, либо уходишь ни с чем. Ты согласна?

Я обреченно кивнула, чувствуя, как моя слюна, не сдерживаемая более ничем, начала стекать внутрь шарика и тонкой струйкой вытекать изо рта.

Я снова ощущала его руки. Он положил их мне на плечи, мягко развернул и усадил на диван. Сидеть было неудобно из-за невозможности согнуть руки в локтях, поэтому я села немного боком.

— Ты любишь пиццу? — этот вопрос показался мне, во-первых, неуместным, а во-вторых, глупым. Ночью я говорила ему, что обожаю итальянскую кухню. Он провел пальцем по моей щеке. Я невольно дернулась.

— Видишь ли, многие люди готовят пиццу. У кого-то получается вкуснейшее тесто, у кого-то отличный соус. Но в целом их пиццы не очень вкусные. Потому что секрет приготовления пиццы в балансе. Понимаешь? Идеальная пицца это хорошо продуманный баланс вкуса и текстуры. Тесто не должно быть ни слишком мягким, ни слишком твердым, ни слишком пресным, ни слишком соленым. В начинке не должно быть одного ярко выраженного вкуса — все они должны быть идеально сбалансированы. Переборщишь с оливками — и вся пицца будет кислой. Положишь много сладкого перца — и его сладость перебьет вкус других ингредиентов. То же самое касается и Темы — жесткость должна сочетаться с нежностью, — его руки вдруг снова скользнули мне под футболку, но на этот раз он поднял мою одежду, обнажив грудь и живот, — сила со слабостью, — что-то холодное и чуть влажное коснулось ложбинки между грудями.

Я чуть подалась вперед, пытаюсь определить, что же это такое, — доброта с жестокостью, — это нечто чуть отстранилось от меня, и в ту же секунду мое тело пронзила резкая боль, отозвавшая почему-то сладостным спазмом внизу живота.

— Каждый удар, каждое прикосновение, — продолжал он, снова проведя этим предметом по моей груди, — должен быть точно рассчитан, как по силе, так и по месту нанесения, — следующий удар пришелся по правому соску, отчего между ног у меня стало влажно. — И, конечно, в конце каждого сеанса должна оставаться некая недосказанность, — еще один удар точно по левому соску.

Слюна уже бурным потоком стекала по моему подбородку и шее, мои соки обильно орошали мои ноги и диван. Я тихо скулила в ожидании продолжения. Но Виталий молчал и больше не прикасался ко мне. Время тянулось бесконечно долго, молчание становилось невыносимым. Страх заполнял мое сознание...

Как вдруг ремешки на моих руках ослабли. Я машинально сжала и разжала кулаки, разгоняя кровь. Затем мягкое махровое полотенце заботливо впитало мои слюны, и кляп покинул мой рот. Последней он снял повязку с моих глаз.

Он помог мне встать на ноги. Коленки почему-то все еще подгибались, но Виталий крепко держал меня за локоть. Он подвел меня к зеркалу, которое раньше от меня скрывала темная занавеска.

Я посмотрела на себя и обомлела — из зеркала на меня смотрела румяная девушка лет восемнадцати с горящими глазами и тремя бледно-розовыми полосками — на животе и наискосок на обеих грудях.

— Нравится? — с улыбкой спросил он у меня из-за спины.

Я молча кивнула.

— Ну, вот и хорошо. Сеанс окончен, можешь собираться, — он отпустил мой локоть, и я тяжело опустилась на пол.

— И... это все? — я посмотрела на него в недоумении, вдруг поняв, что больше бить он меня не будет.

— Для начала хватит, — он смущенно отвел глаза. — Видишь ли, Тема — это не только секс. Это образ жизни. () Она позволяет расслабиться, позволяет тебе, например, почувствовать себя слабой и ведомой, но при этом знать, что ты в безопасности, что все происходящее тщательно отработано и выверено. Позволяет мне ощутить свою власть над тобой и свою ответственность за тебя. Да, я играю на твоей сексуальности, на твоём возбуждении, но это не значит, что моя цель только войти в тебя, хотя, не скрою, я бы не отказался. Моя цель разжечь в тебе огонь, позволить тебе понять саму себя, отрешиться от той роли, которую ты играешь каждый день и, возможно, даже изменить ее. И если тебе захочется продолжения, мой номер у тебя есть. А сейчас, я думаю, тебе пора домой писать твою статью.

— Спасибо тебе, Виталик, — я поднялась на ноги, поправила футболку и нежно прижалась губами к его губам.

— Это... совсем... — лепетал он смущенно, закрывая за мной дверь.

Утром вместе со статьей я положила на стол главного редактора свое заявление об уходе